

Инженер Колец

Как трилогия Толкина
не стала
научной фантастикой

«По своей структуре Тетралогия сходна с Песней о Нибелунгах: в центре сюжета стоит магическое кольцо, дающее целому своё имя. Но в разработке темы магического кольца Толкин идёт своими путями...»

Зинаида Бобыр

«Оба кольца круглые, и на этом сходство заканчивается!»

Джон Толкин

Говорят, что каждый любитель Толкина считает лучшим тот перевод, в котором он впервые читал «Властелина Колец». В интернете ведутся кровавые баталии за право называть хоббита Фродо не Торбинсом, а Сумкинсом, а толстенького трактирщика из «Гарзующего пони» не Маслютиком, а Подсолнухом.

На самом деле, конечно, у каждого перевода есть свои достоинства и свои недостатки. Один суховат, зато точен, другой слишком стилизован под русский народный говорок, зато поэтичен, в третьем неудачно локализованы имена, но прекрасно переведены стихи... Идеал недостижим, но у каждого перевода есть свои верные поклонники.

За одним исключением.

О нём и пойдёт речь.

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Почти ни для кого не секрет, что трилогия «Властелин Колец», а точнее – «Хранители», первая её книга, вышла на русском языке в 1982 году. И больше пяти лет оставалась удивительным артефактом.

Прежде всего потому, что эта история не была похожа ни на что из знакомого советскому читателю. О фэнтези в СССР имелись крайне смутные представления. К нему причисляли и «Заповедник гоблинов» Саймака, и «Понедельник» Стругацких, и многие детские сказки, к которым, по сути, относился и вышедший шестью годами ранее «Хоббит». То есть это в основном были книги либо юмористические, либо для детей.

«Хранители» же с их героическими битвами и высоким волшебством, а главное – с серьёзным, взрослым отношением к сказочному миру, казались на этом фоне ярким экзотическим цветком среди блёклой травы.

Кроме того, незаконченность истории делала мир Средиземья ещё более таинственным. Продолжения у книги не было. Говорят, дело в том, что Рональд Рейган, тогдашний президент США, в какой-то своей речи процитировал «Властелина», имея в виду вместо Мордора Советский Союз – и Толкина моментально записали в крамолу, вычеркнув из издательских планов вторую и третью части.

А литературное пространство в то время было гораздо менее насыщенным, чем сейчас. Это в последние годы мы привыкли по пять лет ждать продолжения любимой саги, твёрдо зная, что задержка – плод раздолбайства издателей и короткая ожидание за десятками других книг. А в то время лишь избранным была доступна информация о зарубежных книгах. Большинство могло разве что получить совершенно честный ответ: «Других книг Толкина в нашей библиотеке нет!» – и строить сколь угодно фантастические предположения и версии.

В общем, советский читатель долго ходил заинтригованным. И к тому моменту, как «Радуга» выпустила дополненный перевод «Хранителей», а на следующий год второй том, аудитория была «подогрета» как следует. А вот с третьим томом у «Радуги» случилась заминка. И этим не преминули воспользоваться конкуренты. Ленинградский «Северо-Запад» оперативно

выпустил всю трилогию полностью (ура! наконец-то!) в переводе Натальи Григорьевой и Владимира Грушецкого, а дальневосточный «Амур» – в переводе Валерии Маториной.

Но ещё раньше в эту гонку успело вмешаться не слишком известное издательство «Интерпринт», выпустившее книгу под неожиданным названием «Повесть о кольце». Это был небольшой ярко-жёлтый томик. Действительно небольшой. Меньше пятисот страниц. И в них была втиснута вся эпопея с кольцом.

Но как втиснула!

ГИМЛИ-КАРЛИК И ДРУГИЕ КОРОТЫШИ

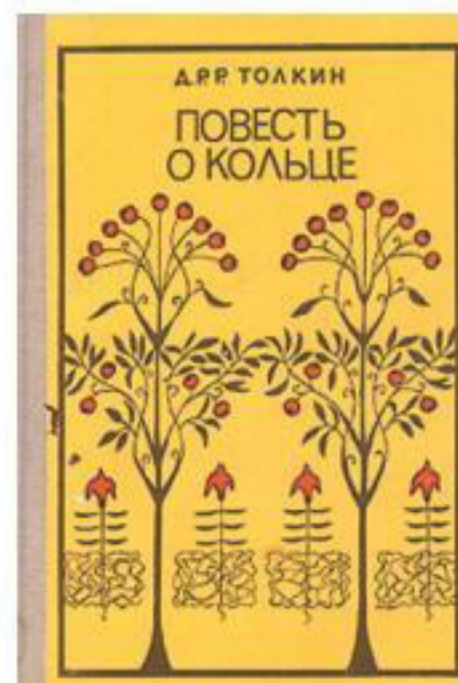
Доверчивого читателя, ухватившегося за возможность узнать, наконец, «что же было дальше», ждал шок. Мало того, что текст сократили без малого втрое и целые главы были пересказаны парой строк, так ещё и отсебятины хватало изрядно. Ещё во вступлении, построенном как сказочный зачин, выяснялось, что назгульских колец не было – Саурон подбрасывал одно и то же кольцо разным правителям, кольцо превращало их в призраков, «послушных ему, как пальцы на руках», и возвращалось к хозяину. Исидур должен был стать десятым назгулом, но вовремя успел отрубить Саурону палец с кольцом. Видимо, тот самый палец, которому иначе начал бы соответствовать.

Мало того. Вся история с походом Хранителей оказывалась чуть ли не побочным квестом на фоне возвращения Арагорном некоего Испепеляющего Венца – атрибута верховной власти в Средиземье. Венец оказался захвачен Сауроном, и, чтобы добыть его, следовало сперва победить Чёрного Властелина. Сам Саурон не мог надеть Венец, так как не был того достоин, а недостойного Венец испепелял на месте. Возможно, кольцо помогло бы Саурону обмануть Венец, но для этого кольцо надо было найти, что возвращало читателя к исходному конфликту. После победы Арагорн, разумеется, примерял Венец, и Венец, разумеется, находил Арагорна достойным.

Прочих несуразностей было столько, что перечислять их бессмысленно. Даже то, что вроде бы не противоречило сюжету,

Так выглядела обложка самого первого издания «Хранителей»

«Повесть о кольце» любители Толкина называли «жёлтый том» (по аналогии с «жёлтым домом», психушкой), намекая на полное безумие текста

совершенно меняло дух книги, её восприятие. Так, гномы называли себя «карликами» (ассоциации для русского слуха, мягко говоря, не героические), Гэндальф заранее предупредил хоббитов (в книге – коротышей) о будущем предательстве Боромира, и встречалось ещё много странностей. В общем, при упоминании «сокращённого пересказа» под названием «Повесть о кольце» почти все толкинисты, да и просто большинство читателей, впадают если и не в ярость, то в тягостное недоумение.

Недоумение тем более сильное, что переводчиком в этом издании значилась Зинаида Анатольевна Бобырь.

«ЧЕЛОВЕК ОГРОМНОЙ ЭНЕРГИИ...»

Зинаида Бобырь родилась в 1912 году. Перед войной она получила высшее образование (закончила Московский институт тонкой химической промышленности – к слову, шесть десятилетиями позже его же закончит Наташа Гусева, исполнительница роли Алисы в «Госте из будущего»), но в 1943 году оказалась в редакции журнала «Техника – молодёжи», где и проработала следующие несколько десятилетий. Уже в сдвоенном февральско-мартовском номере журнала за 1944 год в её переводе вышел рассказ Роберта Хайнлайна «Дом четырёх измерений» (он же – «Дом, который построил Тил»). До того из фантастов в журнале публиковались только Казанцев и Ефремов.

Наверное, здесь стоит сказать пару слов о роли переводчика в советские времена. Негласная «квота» на зарубежную фантастику была крайне мала, прокормиться с неё было не слишком реально. Поэтому переводами зарубежных фантастов занимались, как правило, люди неравнодушные. И старались они выбрать самые лучшие тексты и перевести их как можно качественнее. Да, многие шедевры оставались за бортом, но зато почти каждый переведённый текст был вершиной зарубежной НФ.

Редкие молодые переводчики сравнятся с Ириной Гуровой, Норой Галь, Татьяной Шинкарь, Владимиром Бакановым, Львом Ждановым – и Зинаидой Бобырь. Она переводила – и переводила блестяще! – Жюль Верна, Герберта Уэллса, Артура Кларка, Фредерика Брауна, Роберта Шекли, Джека Вэнса, Мюррея Лейнстера, Ларри Нивена, Вацлава Кайдоша, Брайана Олдисса, Эрика Рассела, Джека Финнея, Клиффорда Саймака, Роберта Хайнлайна и многих других. Именно в её переводе мы до сих пор читаем «Звёздных королей» Эдмонда Гамильтона, «Ржавчину» Рэя Брэдбери, «Космические течения» Айзека

Азимова, «Астронавтов» и изрядную часть «Путешествий Ийона Тихого» Станислава Лема.

Всего Зинаида Анатольевна знала двенадцать языков. Правда, переводила не со всех – на португальском языке она, по её словам, так и не смогла найти ничего достойного перевода. Коллеги говорили о ней: «Человек огромной энергии; трудно подсчитать, со сколькими отличными фантастами познакомился советский читатель благодаря её таланту и трудолюбию...»

Ни один из тех, кто знал другие

Такой Зинаида Бобырь пришла в редакцию «Техники – молодёжи»

её переводы, не мог поверить, что тот чудовищный текст, который скрывается под обложкой «Повести о кольце», принадлежит её перу. Однако это была правда.

СХВАТКА С ПРЕДПОЛАГАЕМЫМ ЦЕНЗОРОМ

Об этом переводе долго ничего не было известно. И только в нулевые завеса тайны начала приоткрываться. Для начала выяснилось, что «Повесть о кольце» – первая попытка перевода «Властелина» на русский язык. Рукопись датируется 1966 годом. До появления перевода Александра Грузберга, который стал самой известной в самиздате версией и, в частности, послужил источником для первых «Хоббитских игр» 1990 года, оставалось ещё десять лет, а до первого «официального» издания «Хранителей» – шестнадцать.

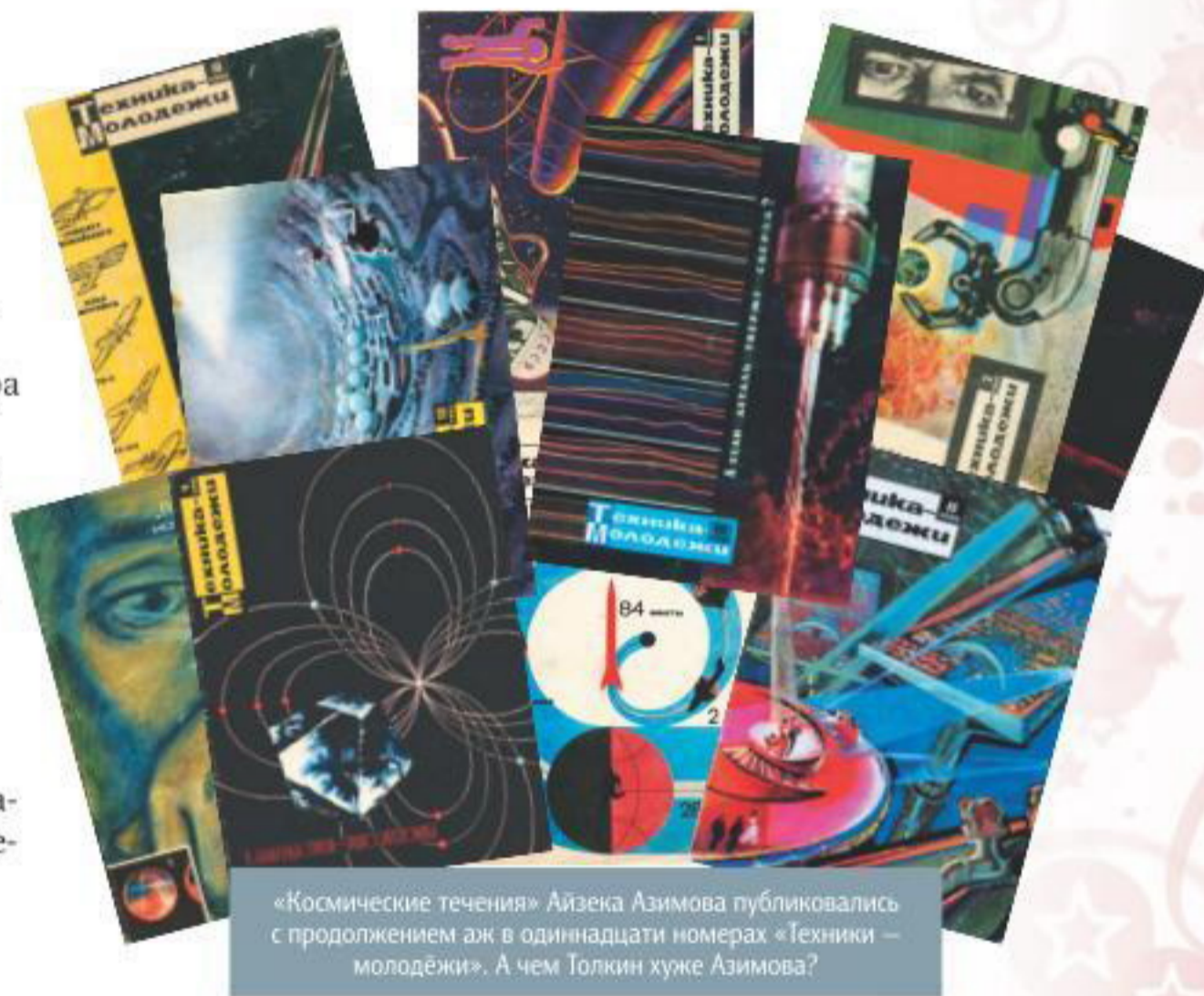
Вот и выходит, что этот текст был, когда ничего ещё не было. Именно он, «просочившись» в самиздат, «породил» самых первых толкинистов и, несмотря на все свои недостатки, стал питательной почвой для других переводов, ныне гораздо

ЦИТАТА ИЗ СТАТЬИ ЗИНАИДЫ БОБЫРЬ «ИСТОРИЯ – САГА – ПОЭЗИЯ»

Толкин рисует свой мир подробно и в тонах совершенной достоверности. Не всякому автору удаётся добиться такого «эффекта присутствия», а тем более в фантастическом сюжете. Читая «Повесть...», невозможно не верить в её обстановку и события. Этот мир необычен, но он управляется строгими законами. В нём нет зыбкости сна, нет произвольных допущений, это не Страна Чудес, как у Кэрролла, и не Страна Оз, как у Фрэнка Баума, это **настоящий** мир, хоть и отличающийся от нашего.

более известных. Согласитесь, один этот факт уже заставляет взглянуть на текст иначе. Хотя и не объясняет всего.

Итак, Зинаида Анатольевна познакомилась с «Властелином Колец» и поняла, что хочет поделиться своим открытием с советскими читателями. Довольно быстро она пришла к выводу, что в своём естественном виде трилогия не имеет шансов. Толкин был англичанином, писателем буржуазным, а значит, заведомо подозрительным. В книге встречалась магия, а значит, нужно было избежать обвинений в мистике. Мало того. Даже сейчас время от времени появляются интерпретации, согласно которым Мордор = Империя зла = СССР, и это несмотря на прямое опровержение, данное Толкином. А уж в то время цензура не могла не прицепиться к тому, что имя «Саурон» начинается на «с» и кончается на «н» – и, казалось бы, при чём тут Сталин... (Собственно, нечто похожее, как мы уже писали выше, и произошло с первыми официально изданными «Хранителями».)

«Космические течения» Айзека Азимова публиковались с продолжением аж в одиннадцати номерах «Техники – молодёжи». А чем Толкин хуже Азимова?

Да и в целом «Властелин» был слишком уж необычным, непохожим на всё, что встречалось в литературе до той поры. И Зинаида Анатольевна решила его адаптировать. Не столько к какой-то возрастной группе, сколько к культурной и исторической ситуации в стране. Она не стала первооткрывателем этого метода. До неё были «красный граф» Алексей Толстой, превративший Пинокио в Буратино, и Александр Волков, перестроивший Страну Оз в Изумрудный город.

В адаптированном виде Толкин имел хоть какие-то шансы прорваться к читателю. Можно было отдать его в ту же «Технику – молодёжи» – и печатать с продолжением, как печатались, к примеру, «Космические течения» Азимова: с сентябрьского номера 1965 года по июльский номер 1966-го.

Но для этого «Властелин Колец» должен был стать:

- более коротким,
- более понятным
- и научно-фантастическим.

Нетривиальная задача, согласитесь.

...ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Проще всего оказалось с сокращениями. Зинаида Бобырь всю жизнь переводила НФ, с каноном жанра фэнтези она была знакома мало. Поэтому она ничтоже сумняшея принесла в жертву то, что сейчас считается одним из основных при-

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ НЕ СТАРЕЕТ

Для подавляющего большинства читателей старшего поколения, как и для многих юных поклонников Толкина, любимым стал перевод «Властелина Колец» Владимира Муравьева и Андрея Кистяковского. Он выдержал уже больше двадцати пяти изданий — и продолжает выходить при каждом удобном случае, несмотря на обилие переводов-конкурентов. Очередное переиздание «кистемуровского» «Властелина Колец», а также «Хоббита» выйдут буквально на днях в издательстве АСТ. На этот раз оно приурочено к выходу первой части фильма «Хоббит», что ясно видно по новым обложкам.

знаков жанра: подробное описание вымышленного мира, его обитателей, законов, обычаев, языков и так далее. Переводчица сочла всё это не слишком существенными деталями и сосредоточилась на основном сюжете.

При таком подходе целые главы уместались в абзацы. «Властелин Колец» всё ещё оставался довольно объёмистой книгой, но задачу сокращения можно было считать решённой.

Упростить текст или, по крайней мере, сделать его менее непривычным тоже удалось. Дело в том, что Зинаида Анатольевна рассматривала «Хоббита» и «Властелина Колец» как единую тетралогия. Об этом она говорила в своей статье «История — сага — поэзия». Возможно, переход от сказочности «Хоббита» к суровой эпичности основной истории казался ей лишним. Во всяком случае, стиль перевода получился гораздо более «сказочным» (то есть, фактически, простым и незамысловатым), чем стиль оригинала. «Через леса и горы, через холмы, долины и поля струится к Великому Морю Великая Река — Андуйн. Много стран лежит на её пути и вокруг неё, и многие народы их населяют...» Почти «в некотором царстве, в некотором государстве».

В соответствии с требованиями волшебной сказки сделаны и другие изменения. Персонажи упрощены и описаны так, что их можно однозначно отнести к добрым или злым силам. Приблизжена к классической проповедской и «сетка ролей»: главный герой, волшебный предмет, спутники героя, злодей... На ту же идею работает и добавленная переводчицей линия Испепеляющего Венца. В общем, непонятный жанр «Властелина» сменился гораздо менее пугающим: теперь это была сложная, странная, но несомненная сказка.

Оставалось самое трудное.

«ЭТО НЕ ПРОСТОЕ КОЛЬЦО, А КАКОЙ-ТО ПРИБОР!»

Гениальная и рискованная идея Зинаиды Анатольевны заключалась в том, чтобы поместить основной текст внутри совершенно другой истории, сделать из него «рассказ в рассказе». Внешняя самостоятельная история была задумана как «стандартная научно-фантастическая» и должна была «скрыть», «спрятать» в себе нестандартное во всех отношениях произведение Толкина. Переводчица надеялась легализовать волшебный мир, сделав его предметом обсуждения совершенно не волшебных учёных.

Бобырь с её опытом перевода научной фантастики хорошо знала этот стиль и этот жанр. Ей казалось, что так «Повесть о кольце» может «по крайней мере приблизиться к научной фантастике, к которой мы все уже привыкли».

Так в тексте «Повести о кольце» появились интермедии. В них описывалось, как пятеро друзей — Инженер, Физик, Химик, Кибернетик и Координатор (герои «Эдема» Станислава Лема) — исследуют археологический артефакт «кольцо». Артефакт в ответ

воздействует на учёных — они «вспоминают» историю кольца и записывают её, «поправляя и дополняя друг друга». Попутно они приходят к выводу, что «это не простое кольцо, а какой-то прибор», точнее, «хранилище информации, которую оно отдаёт под воздействием разряда». Чудеса, магию и волшебство в «Повести о кольце» они пытаются «объяснить с точки зрения современной науки».

В более позднем варианте к интермедиям добавилось и предисловие. Рукопись открывалась двумя письмами, написанными от лица Толкина и его друга. Толкин в письме «к читателям» сообщал, что «получил рукопись и сопроводительную записку» от своего друга, который «работал в Институте проблемных исследований в Дербишире». Друг, соответственно, писал Толкину, что «в силу невероятных обстоятельств нам, пятерым, довелось участвовать в одном эксперименте, окончившемся для нас... плачевно. Мы оказались обладателями совершенно фантастической информации». Предисловие написал Семён Уманский, много работавший с самиздатовским переводом Бобырь и даже создавший его расширенную и дополненную версию.

Такой приём позволял не вносить никакого научного элемента в сам текст «Властелина Колец». История кольца помещалась в «далёкое прошлое», не будучи привязанной, впрочем, к реальной земной истории. Единственное «вторжение» интермедий в текст самой «Повести...» заключалось в том, что нуменорцы были названы «пришельцами из-за Моря». А в интермедиях исследователи предполагают, что «Нуменор, или Вестернесс, может быть вообще другой планетой. Пришельцы из-за Моря — инопланетные пришельцы».

Так «Властелин Колец» стал научной фантастикой.

БЛИСТАТЕЛЬНОЕ ФИАСКО

Итак, в 1966 году в редакцию журнала «Техника — молодёжи» поступила на рецензию рукопись. Это был научно-фантастический роман «Повесть о Кольце» в переводе Зинаиды Бобырь. В редакции рукопись прочитали, но печатать не решились. По воспоминаниям очевидцев, дело было даже не в том, что роман мог показаться антисоветским. Просто даже в адаптированном виде (впрочем, о факте адаптации никто не знал) книга казалась слишком уж необычной. В публикации было отказано.

Так что этот уникальный перевод почти двадцать лет добирался до читателя «кружным путём» — в составе других (либо безымянных, либо чужих) текстов, а когда, наконец, был издан официально (дважды и довольно большим тиражом), оказался всего лишь одним из многих других переводов — и едва ли не худшим, по мнению большинства любителей Толкина.

Собственно, за эти годы произошло непонравимое: исчез контекст, в котором только и имели смысл изменения, внесённые в текст переводчицей. А издатели и не подумали пояснить читателю, в чём особенность этого перевода. «Повесть о Кольце» вышла не только без комментариев и тем паче интермедий, но, кажется, даже без редактуры. И, разумеется, вызвала у читателей начала девяностых резкое отторжение.

К счастью или к сожалению, перевод Бобырь остался лишь памятником эпохе. И всё же интересно, что было бы, если бы этот замысел воплотился. Каким бы стал в нашем сознании Толкин? Какие шоковые разоблачения ждали бы нас с падением «железного занавеса» и появлением альтернативных переводов? Как воспринимался бы жанр фэнтези после того, как несколько десятилетий любимой книгой была бы история о научном исследовании волшебного предмета?

Чтобы лучше представить такое альтернативное развитие событий, мы помещаем в этот номер текст интермедий. Это первая их публикация, — и мы надеемся, что, рассказав историю «Повести о кольце», мы восстановим в глазах многих почитателей Толкина добрую репутацию замечательной переводчицы и настоящего палача фантастики Зинаиды Анатольевны Бобырь.

Долгие годы перевод Бобырь ходил лишь в самиздате

Повесть о Кольце

Интермедии

ПРОЛОГ

– Вот, смотрите, – сказал Инженер.

Остальные собрались вокруг стола, разглядывая то, что он положил на середину, потом недоумённо переглянулись.

– Что это такое? – спросил Кибернетик.

«Это» было массивным гладким кольцом – очевидно, золотым. На белой поверхности стола оно сияло, словно излучая свой собственный свет. Его форма и обработка были безупречны.

– Что это? – повторил Кибернетик.

– Вы видите: золотое кольцо. То есть я думаю, что оно золотое.

– Что-то в нём странное... Откуда оно? Никогда таких не видел...

Инженер сел к столу и накрыл кольцо ладонью.

– Я тоже, – медленно произнёс он. – У нас таких не бывает.

Его извлекли из скважины №5 – знаете, она одна из самых глубоких. Точнее говоря, извлекли не его, а базальтовый керн. У вас было задание – испытывать базальты на плавкость...

– Мы знаем, – нетерпеливо прервал его Физик. – При чём тут это кольцо?

– Мы расплавили керн, – продолжал Инженер, словно не заметив, что его прервали. – Всё было нормально. И вдруг расплав забурлил, и мы увидели, что на поверхность что-то всплыло. Оказалось – вот это кольцо.

Он убрал руку, и остальные взглянули на золотой кружок с ещё большим недоумением.

– Невероятно! – прошептал Химик. – Но тогда это не золото! Золото такой температуры не выдержало бы...

Инженер пожал плечами.

– Поэтому я и принёс показать его вам. Самое удивительное то, что, когда я достал его из тигля щипцами, оно оказалось почти холодным. Во всяком случае, его можно было взять голый рукой.

Координатор протянул к кольцу руку, потом медленно опустил её.

– Базальт... – с сомнением проговорил он. – Такая древность – и это кольцо...

– Древность? – возразил Химик. – Древность – ещё не значит варварство. Разве мы не знаем случаев, когда древние культуры оказывались более высокими, чем сменившие их молодёжь? Вспомни хотя бы Атлантиду.

– Ты хочешь сказать, что это колечко – остаток древней высокой культуры? – насмешливо спросил Координатор.

– Я хочу сказать, что мы ещё мало знаем о далёком прошлом нашего мира, – спокойно ответил Химик. – Кто знает, какие племена, какие культуры сменяли друг друга в древние эпохи, от которых не осталось ни следа? Кто скажет, какими знаниями и какой техникой они обладали? Земля существует миллиарды лет; трудно представить себе, чтобы до последнего миллиона их она оставалась необитаемой.

Координатор недоверчиво усмехнулся.

– Суждение дилетанта! Вы исследовали этот... предмет? – обратился он к Инженеру.

– Конечно, – ответил тот. – Пробовали нагревание, охлаждение, давление, даже вакуум, но его ничто не берёт. Мы не смогли отделить от него ни крупички для анализа! Но вот здесь я вижу электроэрозионный аппарат. Интересно, воздействует ли на кольцо искра высокого напряжения?

Физик кивнул.

– Попробуем.

Кольцо поместили в аппарат, и все столпились вокруг, не сводя с него взглядов. Физик включил рубильник; раздалось характерное постепенно усиливавшееся жужжанье. И вдруг яркая вспышка заставила всех вскрикнуть и прижать ладони к глазам.

Первым опустил руки Координатор; он казался ошеломлённым.

– Мордор... – прошептал он.

– Ты тоже слышал это слово? – в изумлении спросил Физик. – А кто были эти... похожие на людей, но такие мерзкие твари?

– Орки, Гоблины. И Тролли, – ответил Координатор.

– Неужели это и есть та древняя культура?

– Нет, – возразил Химик. – Там были и люди. Гондор, Рохан, страны Запада. А древняя культура – это Эльфы. Или Карлики?

– А Коротыши! – воскликнул Кибернетик. – Славный народ! Это путешествие Бильбо...

– Бедный Фродо, – задумчиво сказал Инженер. – Хорошо, что Эльфы признали его своим другом!

– Так это он был в Мордоре? – спросил Координатор.

– Я видел там двоих, в серых плащах...

Они переглянулись, почти в ужасе.

– Друзья мои, – сказал после долгой паузы Координатор, – о чём это мы? Почему мы говорим об одном и том же? Что мы узнали? Что видели?

Инженер задумчиво смотрел на кольцо, по-прежнему нетронутое и сияющее.

– Не знаю, – медленно произнёс он. – В момент вспышки я ощутил словно какое-то внутреннее озарение, трудно назвать это иначе. Я вдруг увидел и узнал сразу очень многое, и оно было связано с кольцом.

– Как странно! – отозвался Физик. – Со мною было то же самое.

– И со мной, – добавил Кибернетик.

– Очевидно, – сказал Координатор, помолчав, – это произошло со всеми нами. Но интересно, все ли увидели и узнали одно и то же? Я, например, мог бы многое рассказать о Мордоре и об Орках.

– Я – о Коротышах, – быстро произнёс Инженер. – Мне они очень понравились.

– Я – о Карликах, – сказал Кибернетик. – И о Коротышах тоже.

– А я – о Людях... – добавил Химик. – И немного об Эльфах.

– Тогда сделаем вот что, – решил Координатор. – Пусть каждый из нас постарается вспомнить как можно больше из того, что увидел, и мы всё это запишем. Может быть, впоследствии нам удастся получить какую-то связную картину.

– Пожалуй, не следует пока рассказывать о кольце, – заметил Физик, и все с ним согласились.

Они вынули кольцо из аппарата и спрятали в сейф. После короткого совещания было решено доставать его оттуда только сообща и только в важных случаях.

– Похоже, что это не простое кольцо, а какой-то прибор, – заметил Химик.

– Да, – подтвердил Кибернетик. – Это хранилище информации, которую оно отдаёт под воздействием искры. И мы эту информацию воспринимаем непосредственно и мгновенно, во всём её объёме. Но какой же высокой должна была быть цивилизация, создавшая этот субстрат памяти!

– А из каких глубин времени эта вещь! – отозвался Физик. – Вы обратили внимание: распределение воды и суши совершенно другое, хотя страна чем-то напоминает очертания запада нашего континента.

– Иные и народы, и языки, – добавил Кибернетик. – Это словно совершенно другая планета. И всё-таки почему-то кажется, что это наша Земля.

– Невероятно! – сказал Химик. – Но между нами и ними непременно должно быть что-то общее, иначе мы не восприняли бы их информацию и не поняли бы её. Ведь она передана буквально на нашем языке – на языке нашего разума!

– Кто будет рассказывать первым? – спросил Координатор, налаживая диктофон.

– Я, – ответил Инженер, – потому что я знаю, как это началось.

Он уселся поудобнее, закрыл глаза и заговорил.

После него говорили по очереди остальные, поправляя и дополняя друг друга. Мало-помалу отдельные подробности свя-

звались воедино, каждый эпизод занимал своё место, и общая картина вырисовывалась всё яснее. Но память человеческая ограничена, так же как и способность человека выражать свои впечатления словами, поэтому им неоднократно пришлось повторять эксперимент с кольцом. И с каждым разом испытываемое ими «озарение» немного слабело, хоть они и не признавались в этом друг другу.

Координатор приложил немало трудов, чтобы расположить все записи в правильной последовательности. Так получилась книга о событиях столь давних, что, по замечанию одного из персонажей, «даже холмы позабыли о них».

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

(располагается между первым и вторым томами «Властелина Колец»)

— Чем дальше, тем фантастичнее, — произнёс Координатор. — Талисманы, духи, заклинания... Кто примет это всерьёз?

— Талисманы? — возразил Кибернетик. — Я не вижу здесь другого талисмана, кроме Кольца, и то оно не всемогуще. Кое-что из того, что о нём сказано, нужно, вероятно, понимать фигурально, а остальное объяснимо, если считать Кольцо хранилищем информации.

— Да и вообще, — добавил Химик, — почти все чудеса, о которых мы узнали, можно объяснить с точки зрения современной науки.

— Мне тоже так кажется, — отозвался Физик.

Координатор насмешливо взглянул на них обоих.

— Ну, что ж, давайте опять ненадолго займёмся толкованиями.

— Пожалуйста, — сказал Химик. — Прежде всего, ничего волшебного нет ни в Карликах, ни в Орках, ни в Коротышках. Это просто различные племена — такие же различные, как и те, что живут на Земле сейчас. Причём любое из них могло бы быть нашими предками.

— Например, Орки?

— Да, даже Орки. В конце концов, кто они? Какие-то первобытные обитатели пещер и лесов.

— А Эльфы? — спросил Координатор. — Разве они не сверхъестественные существа? Вспомните Лориен со всеми его чудесами.

— Эльфы и Пришельцы из-за Моря, — задумчиво произнёс Кибернетик. — Это самая интересная проблема здесь.

— Нуменор, он же Вестернесс; погибший центр какой-то высокой культуры, перенесённой потом в наш мир... Атлантида в сравнении с ним — вчерашний день, даже позавчерашний вечер. Это что-то гораздо более древнее. Может быть, даже...

— Может быть, это даже что-нибудь совсем другое, — сказал Инженер, до сих пор молчавший.

— Как так «другое»? — спросил Координатор.

— Очень просто. Нуменор, или Вестернесс, может быть вообще другой планетой. Пришельцы из-за Моря — инопланетные пришельцы.

— Это действительно объяснило бы многое, — задумчиво сказал Кибернетик. — Тем более что Пришельцы, кажется, тождественны с Эльфами.

— Тогда понятны и все их необычайные свойства, — подтвердил Физик. — И все чудеса Лориена — местности, которую они сделали как можно более похожей на свою родину. Вы заметили — время в Лориене идёт как-то по-другому, не так, как везде? И каждый миг превращается в вечность, и то, что было, не исчезает... А в Зеркале Галадриэль можно увидеть и прошлое, и возможное будущее... Интересно, как им удавалось это сделать?

— Ну, хорошо, — произнёс Координатор. — Я согласен даже на инопланетных пришельцев, хотя не знаю, возможны ли они вообще. Но разве не мистика то, что говорится о власти над видимым и невидимым миром? А огненный жезл этого волшебника — Гандальфа? А заклинания, которые он произносит? А...

— Разрешите ответить тебе, — мягко прервал его Кибернетик. — Мы уже знаем, что Кольцо — это хранилище информации. Неслыханно обильной информации из всех областей знания, включая те, которые нам ещё неизвестны. А кто обладает достаточной информацией, тот обладает и властью.

— В видимом мире — пускай; а в невидимом?

— Никто не видел своими глазами ни электронов, — сказал Физик, — ни магнитных силовых линий, ни волновых процессов. Но пользоваться ими — мы пользуемся.

— Понятны и заклинания, — добавил Кибернетик. — У нас тоже есть приборы, управляемые голосом. Механизм Врат Мориа — это нечто вроде реле. «Есть двери, открывающиеся в определённый час», — помните? Реле времени. Или же реле, настроенное на биотоки. Это такое же колдовство, как и вся наша автоматика.

— А огненный жезл Гандальфа — это разрядник, — добавил и Физик. — Искровой или коронного типа. Это тоже понятно.

— Вообще, Гандальфа можно назвать специалистом по электричеству, — сказал Инженер. — Он не волшебник из сказок, умеющий наколдовать и заколдовать что угодно. Вы помните, в снегах Карадхраса он не смог ни разогнать снеговые тучи, ни перевести весь Отряд через горы. Он сумел только разжечь костёр.

— И поджечь деревья, чтобы отогнать волков, — добавил Химик. — Да, возможности у него слишком ограничены, чтобы его можно было назвать колдуном из сказки.

— Хорошо, — сказал Координатор, — а чем вы объясните чары, которыми можно запереть двери без замка и без засова, или другие чары, противодействующие этому? Или это чудовище — Огнемрака? — он смотрел на Кибернетика, словно обращаясь только к нему.

Тот некоторое время молчал.

— Вероятно, именно здесь мы вступаем в область того, что нам ещё не известно, — сказал он. — Здесь участвуют какие-то силы, ещё более загадочные, чем те, которыми пользуются Эльфы в Лориене, чтобы управлять временем.

— Да, — добавил Физик. — Это кажется нам сверхъестественным только потому, что мы ещё не можем придумать объяснения. Как и для этих призраков — Чёрных Всадников.

— Которые вопят так ужасно, — вставил Инженер.

— Ультразвук, — произнёс Физик. — именно так он и действует на человека: угнетает, создаёт состояние тоски и страха, вплоть до паралича сердца. Нет, это-то понятно. Гораздо непонятнее они сами. Что они такое? Сказать «призрак» — значит не сказать ничего. Мы не можем принять этого термина.

— Спор о терминах — самый бесполезный спор, — возразил Инженер. — Я думаю, что слово «призрак» больше всего подходит для них. Создания живые и реальные, сущность которых видима только Кольценовцу, — что они такое? Назовите их существами из мира соседних измерений, из мира, параллельного нашему, и тогда всё объяснится. По крайней мере, приблизится к научной фантастике, к которой мы все уже привыкли.

— Да, — сказал вдруг Химик, — мне пришло в голову, что у писателей-фантастов найдётся гораздо больше необъяснимых мест, чем здесь. Вы заметили это? Ведь посмотрите только: мы нашли объяснения почти для всего, что встретили до сих пор!

Все засмеялись, и даже Координатор улыбнулся.

— Итак, — сказал он, — можно считать, что мы выяснили почти всё. Прочее может выясниться позже. Но всё-таки я остаюсь при своём убеждении: всякий, кто прочтёт наши записи, скажет, что это фантазия, а не фантастика, фантазия и мистика.

— Нет! — возразил Физик.

— Нет! — в один голос сказали Химик и Инженер.

— Увидим позже, — осторожно добавил Кибернетик.

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

(располагается между вторым и третьим томами «Властелина Колец»)

— Палантир... — начал было Физик, но Инженер прервал его. — Палантир — это, вероятно, нечто вроде видеотелефона или телевизора. Вы помните, — в переводе это слово означает «то, что смотрит вдаль»? Но не простой телевизор, а с памятью, как ЭВМ. Недаром он может показывать «вещи очень давние или далёкие».

Кибернетик кивнул:

— Сходство есть. Но этот прибор гораздо сложнее всякого телевизора. Он снабжён, по-видимому, автоматической настройкой и каким-то дистанционным управлением. Насколько я понял, камень Ортанка настроен на двустороннюю связь с Чёрной Крепостью и управляется именно из Барад-дура, потому что настройка его остаётся постоянной. Очевидно, Саруману так и не удалось изменить её, потому что она сохранилась, даже когда Камень был унесён из Изенгарда.

— Чтобы общаться мысленно... — задумчиво произнёс Физик. — Да, он передаёт и другие импульсы, помимо слуховых

и зрительных. Вы помните, какую боль ощутил бедный корытщик, когда он заглянул в Камень?

— Значит, этой цивилизации уже была известна техника передачи нервных импульсов, — отозвался Инженер. — А мы до сих пор только мечтаем об этом.

— Но в наше время, кажется, тоже вели эти опыты? — спросил Координатор.

— Они ведутся уже давно, — ответил Инженер, — и пока безуспешно. Если бы только получить в своё распоряжение такой Камень! Какие головокружительные перспективы он открыл бы перед нами!

— Но он подчиняется лишь тому, кто может покорить его, — напомнил Физик. — А это, должно быть, нелегко. Ведь даже такая незаурядная личность, как Гандальф, не решилась заглянуть в Камень Ортанка.

— Да, он не решился, — согласился Кибернетик. — Потому что Палантир — это не просто приёмник-передатчик: он каким-то образом связан с личностью и того, кто ведёт передачу, и того, кто находится на приёме. Иначе они не говорили бы о том, чтобы вырвать Камень из-под чужой власти. Здесь я чувствую какую-то очень тонкую и сложную обратную связь. Но суть её нам не известна: у нас нет аппаратов, настраиваемых на чью-либо личность. Речь ещё может идти о биотоках, но это далеко не одно и то же.

Они взглянули на Координатора, однако его смуглое лицо оставалось недоверчивым и мрачным.

— Значит, вы думаете, что объяснили всё? — произнёс он, обводя их испытующим взглядом. — Значит, по-вашему, Палантир — это только какой-то необычайный приёмник-передатчик...

— С записью, — подсказал Физик, а Инженер добавил:

— И с дистанционной настройкой.

— Да; и способный передавать нервные импульсы, и связанный с личностями обоих корреспондентов, — нетерпеливо прервал их Координатор, сверкнув тёмными глазами. — Не нужно повторять, я запомнил всё, что вы о нём говорили, — это моя специальность. Хорошо, Палантир вы мне объяснили: в нём нет ничего сказочного. Но хотел бы я услышать, как вы объясните мне Энтов, со всеми их особенностями! Если они не сказочные, сверхъестественные существа, то я готов поверить чему угодно!

Он произнёс это с такой необычной для него горячностью, что остальные были слегка озадачены и молча смотрели на него. Потом Химик обернулся и задумчиво взглянул на Кольцо, укреплённое в приборе. Он покачал головой, и свет заиграл в его белокурых волосах.

— Энты! — произнёс он. — Их объяснить действительно трудно. Может быть, это тоже одно из племён, аналогично Оркам, Карликам и всем прочим. А может быть, это какой-то совершенно другой вид живых существ...

— Или даже неживых, — вставил Инженер.

— Ты думаешь — разумные машины? — быстро спросил Кибернетик.

— Трудно сказать, — ответил Инженер. — С одной стороны, они как будто живые и разумные. С другой — они очень отличаются от всяких других живых существ. Огромный рост, множество пальцев, колоссальная сила, позволяющая им разводить скалы руками...

— Но и на машины они не похожи, — возразил Кибернетик. — Они для этого слишком самостоятельны. Способны не только к самостоятельным действиям, но и к самостоятельным решениям. Да ещё к коллективным.

— Машинная цивилизация! — фыркнул Координатор. — Смешно!

— Может быть, это какие-нибудь симбионты? — предположил Химик. — Как жаль, что среди нас нет ни одного биолога!

— Симбионты — это возможно, — согласился Кибернетик. — Симбиоз какой-то разумной жизни с деревьями. Мне кажется многозначительным, например, то, что говорить и двигаться Энтов научили Эльфы. А у нас была версия, что Эльфы — это инопланетные пришельцы.

— Симбионты... — задумчиво повторил и Физик. — Заманчивая идея! Или же это мутанты — результаты опытов, произведённых Пришельцами...

— Невероятно! — вскричал, не сдерживаясь, Координатор. — Это ещё фантастичнее, чем всё, что мы слышали до сих пор!

— Не более фантастично, чем вся наша бионика, — возразил Кибернетик, — и ты об этом знаешь лучше, чем любой из нас. Все наши предположения не выходят из круга возможностей, задаваемых Кольцом. Если мы можем согласиться с Палантирами и с Призраками, то почему бы не согласиться и с Энтами?

— Ну, хорошо, — произнёс, помолчав, Координатор. — Но это — последнее допущение, на которое я согласен. Если вы считаете Энтов симбионтами или мутантами — пусть так и будет. Но больше ни на какие уступки я не пойду. Если нам встретится ещё что-нибудь, чего вы не сможете объяснить, я буду считать всю эту историю сказкой и фантазией.

— Не будь таким категоричным, — предостерег его Кибернетик. — Отрицать непонятное — это самый лёгкий путь, но для исследователя он самый ложный.

Если нам встретится что-нибудь необъяснимое, я буду считать только, что мы этого не знаем — пока. Координатор взглянул поочередно на каждого из остальных, но во всех ответных

взглядах прочёл одну и ту же мысль. Он пожал плечами, и на лице его снова появилась насмешливая улыбка.

— Пусть будет так, — сказал он. — Не буду утверждать, что вы меня убедили, но я согласен: продолжим и посмотрим, к чему приведут все эти события.

— Продолжим! — ответил за всех Кибернетик.

ЭПИЛОГ

— Итак, мы дошли до конца всех событий, — сказал Химик, — и узнали развязку всех судеб. И мне кажется, запас сведений, заключённых в Кольце, исчерпан.

— Исчерпана только эта линия, — возразил Физик, — да и то едва ли. Мы не знаем подробностей о многих персонажах, об их происхождении, об общественном устройстве.

— И об уровне их технического развития, — добавил Инженер. — Мне кажется, это совершенно иное направление развития, чем у нас. С одной стороны — такой субстрат памяти, как Кольцо, с другой — ни огнестрельного оружия, ни средств транспорта. Сообщаются с помощью Палантиров, овладели какими-то неизвестными нам силами, — а ездят только верхом, пользуются только луками, стрелами, копьями...

— Да, — отозвался Кибернетик. — Похоже, что развитие у них шло больше всего в области информации и связи. Какой-то вид связи есть даже с животными; Гандальф, например, разговаривает с орлами, понимает речь волков.

— А что это за крылатое существо, на котором летал Чёрный Всадник? — спросил Химик. — Очень похоже на птеродактиля.

— Или же на дракона, а о них мы уже говорили, — добавил Физик. — И для меня оно служит доказательством, что вся эта история не сказка и не фантазия. — Тут он искоса взглянул на Координатора, но тот сидел отвернувшись и ни на кого не глядя.

— Крылатое чудовище мы знаем по окаменелостям, — задумчиво произнёс Химик. — А Шелоб? Нашей палеонтологии не известны паукообразные таких размеров.

— Мы ещё не знаем, известно ли нашей палеонтологии всё, что жило на Земле в древние времена, — заметил Физик.

— Скорее всего, тело Шелоб было таким мягким, что не оставило никаких отпечатков в древних породах. А может быть, отпечатки есть, но до сих пор не найдены. Во всякой случае, в ней нет ничего невероятного.

— Как и в описаниях Мордора, — добавил Инженер. — Судя по всем признакам, это вулканическая страна.

— Совершенно верно, — согласился Физик. — И гибель царства Сауона — это довольно точное описание вулканического извержения. Кстати, это объясняет, каким образом Кольцо оказалось включённым в базальт, — добавил он, обращаясь к Инженеру.

— А как вы думаете, что означают несколько раз упоминавшиеся «добрые» и «злые» Кольца? — спросил Химик.

— Кажется, у меня есть объяснение, — медленно произнёс Кибернетик, не сводя взгляда с Кольца в сейфе. — Вероятно, это приборы, аналогичные нашему Кольцу, в которых запечатаны энграммы биотоков. Очень сложные энграммы, — точнее, программы поведения. Стоит надеть такое кольцо, и программа начинает действовать. Вероятно, именно этим и объясняется губительное влияние Кольца Власти на своего носителя. А в «добрые» кольца вложены другие программы. Как видите, ничего сверхъестественного. — И он тоже бросил взгляд на Координатора, но не получил ответа.

Некоторое время они вспоминали различные эпизоды этой необычайной истории, пережитой ими так ярко, словно они сами были её участниками, затем Химик воскликнул:

— Да, но что же было потом? Как найти звено между ними и нами? А звено, несомненно, есть, ибо разум у нас с ними общий...

— Ты в этом уверен? — спросил вдруг Координатор, выходя из задумчивости.

— В чём? — не понял Химик.

— В том, что между ними и нами есть какая-то связь или родство?

— Совершенно уверен! — воскликнул Химик, и в голосе у него была убеждённость, которой заразились и все остальные. С каким-то новым чувством, словно видя друг друга впервые, они смотрели на светлые, выющиеся у концов волосы и серые глаза Химика, на высокую фигуру и волнистые, тёмные

с проседью волосы Кибернетика, на тонкие руки и короткие кудряшки Физика... но особенно — на резкие, угловатые черты смуглого лица Координатора, на его жёсткие, матово-чёрные волосы, на большие, сильные, беспокойные руки.

— Связь есть, — произнёс Кибернетик спокойно и твёрдо, как о несомненном факте, и остальные согласно кивнули. — Но доказать её будет трудно.

— Никакая археология нам не поможет, — мрачно заметил Химик. — Эти события — за пределами всякой археологии.

— Не поможет и геология, — столь же мрачно добавил Инженер. — Земная кора с тех пор словно создана заново.

— Теория катастроф? — усмехнулся Координатор.

— Почему бы и нет? Разве она не подтверждается?

— А если обратиться опять к Кольцу? — спросил Физик.

Едва ли это возможно, — возразил Кибернетик. — Не знаю, как у вас, а у меня при каждой вспышке первоначальные ощущения всё слабели. Сколько опытов мы уже произвели?

— Не важно, — ответил Физик. — Если мы хотим узнать о своей связи с ними, то должны рискнуть, должны задать Кольцу и этот вопрос. Кто знает, какое значение он может иметь для нас? Честное слово, я вовсе не против таких предков, как Эльфы!

— Или Орки, — усмехнулся Химик. — Но, боюсь, сила Кольца уже истощена.

— Так воспользуемся усилителем! — вскричал Физик. — Повысим напряжение разряда! Если мне что-нибудь и хочется узнать, так только это. Да и вам тоже, я ручаюсь, — добавил он, обводя взглядом остальных.

Никто не возразил, но никто и не решался согласиться на новый опыт. Все глаза обратились к Координатору: в спорных случаях окончательное суждение принадлежало только ему. Он долго молчал, обдумывая все соображения, потом произнёс медленно:

— Хорошо. Это наш единственный шанс, и мы никогда не простим себе, если не используем его. Сделаем ещё один опыт — последний. Если напряжения недостаточно, повысим его до предела.

Химик взял Кольцо из сейфа и держал на ладони, любясь его сиянием.

— И всё-таки я чего-то боюсь, — сказал он, отдавая его Физик. — Хочу узнать — очень хочу, — но боюсь.

— Это в последний раз, — успокоил его Физик, налаживая аппарат.

Снова раздалось жужжанье. Оно всё усиливалось, всё повышалось в тоне. Казалось уже, что вибрирует весь воздух вокруг, все предметы, весь видимый мир. У кого-то вырвался стон сквозь сжатые зубы: вибрация пронизывала кости, мускулы, нервы, переходя пределы того, что может выдержать человек...

Потом — ослепительная, беззвучная вспышка, бросившая всех замертво...

Первым очнулся Инженер. Медленно, с трудом, он поднялся, хватаясь за стулья, и взглянул на аппарат — исковерканный, обгоревший, безвозвратно погибший.

— Вот и всё... — едва смог прошептать он разбитыми губами. Постепенно пришли в себя и остальные.

— Кольцо... — прохрипел Химик, указывая непослушной рукой на аппарат.

Кольца не было. Разряд предельной силы уничтожил его бесследно, словно превратив все его атомы в излучение, рассеявшееся в пространстве.

— Но видели ли мы что-нибудь на этот раз? — спросил Координатор, позже, когда они достаточно опомнились.

— Наверное, — ответил Физик. — Но сейчас ничего не помню. Это было как слишком яркое освещение при съёмке: все кадры безнадежно засвечиваются. Может быть, позже...

Они молчали, глядя на почерневшие остатки разрушенного аппарата. Они не получили ответа на свой последний вопрос, и у них больше не было возможности получить его; но в глубине души каждый — включая Координатора — знал, что ответ может быть только утвердительным и что наш мир какими-то, ещё не известными нам путями принял эстафету Разума от мира, исчезнувшего несчётное множество веков назад.

КОНЕЦ